

Известно же: чем совершеннее и неприступнее вещь, тем большее наслаждение испытываешь, когда рушишь её.

Она небрежно бросила в воду сорванный с куста фрукт, и целая стая парчовых карпов в пруду тотчас сбилась в кучу, отчаянно борясь за лакомство. Точь-в-точь как те люди, что вынуждены уповать на милость других, решая вопросы жизни и смерти: ради жалкой крошки корма они позволяют вертеть собой как угодно.

Вот только интересно, сколь долго этот игрушечный забавник сможет её развлекать...

Хэ Янься держала чашку чая, молча наблюдая за тем, как рыбы в озере борются за еду. Её изящные пальцы осторожно поглаживали изысканную белофаритовую чашечку, а сквозь легкую дымку пара смутно проступала чуть изогнутая в усмешке линия губ.

В последующие несколько дней Му Цзышань больше не видела Хэ Янься — казалось, та совсем позабыла о пойманной шпионке. И хотя сама она больше не спускалась в темницу, каждый день пленнице по расписанию устраивали порку, словно это была какая-то неизбежная рутина. И хотя удары по-прежнему наносили со всей силой, их количество сократилось в разы по сравнению с первыми днями.

То ли люди из Дворца Цюньин окончательно потеряли терпение к заключенной, из которой невозможно вытянуть ни слова, то ли они перестали рассчитывать на получение хоть какой-либо информации. А это значило, что час её смерти был уже недалек.

При этой мысли Му Цзышань на удивление почувствовала некоторое облегчение. По сравнению с бесконечными пытками скорая и легкая смерть казалась ей даже предпочтительнее.

Слова, сказанные той женщиной в тот день, долго не давали ей покоя, но за все прошедшие дни та так ничего и не сказала о младшей сестренке. Если бы они поймали сестру, то непременно стали бы шантажировать ею. Раз они этого не сделали, значит, младшей сестренке удалось отсюда сбежать. Наверняка тогда та женщина просто проверяла её, пытаясь выведать хоть что-то. Вспомнив, как едва не угодила в их ловушку из-за охватившего её беспокойства, Му Цзышань невольно похолодела от страха.

Она лишь надеялась, что младшая сестра теперь в безопасности, а значит, она сможет со спокойной душой принять смерть, избавившись от бессмысленных мучений этих демонических исчадий из Культа Демонов.

Поэтому в этот день, глядя на спускавшуюся по ступеням темницы Хэ Янься, Му Цзышань смотрела на неё не просто с презрением, а с явным вызовом, даже позволив себе кривую усмешку на губах. Му Цзышань думала: если удастся разозлить эту женщину, и та прикончит её одним ударом, это будет даже за благо. Поэтому, в отличие от прежних дней, когда она выказывала к Хэ Янься лишь презрение и не желала даже смотреть на неё, сегодня Му Цзышань сама уставилась на главу Дворца Цюньин, спустившуюся в темницу в роскошных одеждах для допроса, словно пытаясь испепелить стоявшую перед ней женщину одним

взглядом.

Заметив, что Му Цзышань смотрит на неё и улыбается, Хэ Янься увидела, что хотя лицо узницы искажено презрением и ненавистью, улыбка у неё невероятно красивая.

— После столько дней побоев ты наконец-то немного поумнела, — произнесла Хэ Янься и, ухватив её за подбородок, слегка повернула к себе, заставляя перевести взгляд исподлобья прямо на неё.

Му Цзышань не понимала, чего именно добивается Хэ Янься. У той были тонкие и изящные пальцы, но сила в них крылась невероятная — стоило им зажать её лицо, как Му Цзышань оказалась совершенно бессильна сопротивляться.

— Ты очень красиво улыбаешься. Улыбнись мне ещё разок? — Хэ Янься озарила её мягкой улыбкой, от которой, однако, Му Цзышань стало не по себе.

Она никак не ожидала от Хэ Янься такого вопроса. Если бы та приказала вытащить её на расправу или добавить ещё два десятка жестоких пыток, Му Цзышань ничуть бы не удивилась, но от этих слов она надолго замерла, не в силах сообразить, как реагировать.

Хэ Янься отпустила её лицо и легко провела пальцем по её брови, щеке, а напоследок замерла на губах. За последние дни Му Цзышань выпало немало страданий; не будь у неё за плечами многолетней закалки боевых искусств, она вряд ли продержалась бы все эти два месяца. Вот только времени на отдых почти не оставалось, боль и мучения почти притупили её нервы, тело непрерывно кровоточило от новых ран, к тому же мучила сильная жажда. Губы Му Цзышань давно лишились всякого цвета и потрескались от обезвоживания, так что прикосновение Хэ Янься отзывалось чередой мелких покалываний, однако выражение её лица ни капли не изменилось.

Хэ Янься убрала руку от её лица, пошарила в рукаве и извлекла оттуда изящную шкатулку из фиолетового дерева. Размером она лишь ненамного превосходила голубиное яйцо, крышку украшал белый нефрит, а края обрамляла золотая кайма. Му Цзышань знала, что та питает крайнюю слабость к роскоши во всём, что касается одежды и убранства. Глядя на столь изысканный ларец, она подумала, что содержимое вряд ли окажется простым — пожалуй, там таится та самая легендарная в Цзяньху, мгновенно убивающая любая капля яда из арсенала Дворца Цюньин.

Хэ Янься откинула крышку, но внутри не оказалось ни круглых пилюль, ни жутких на вид ядовитых насекомых — лишь ярко-красная мазь, кристально чистая и полупрозрачная. Оставалось только гадать, что за диковинную отраву она прячет на этот раз. Хэ Янься протянула палец и слегка зачерпнула содержимое шкатулки. Её палец был подобен белому нефриту, а на кончике алела яркая, сияющая капелька — это выглядело невероятно красиво. Однако при мысли о том, сколько невинных душ сгинуло от этих пальцев, Му Цзышань почувствовала сильнейшее отвращение.

Видя, как Хэ Янься подносит испачканный алым палец к её собственным губам, Му Цзышань подумала, что та, возможно, хочет отравить её и отправить на тот свет. Предвкушая избавление от нынешних мук, она не испытывала страха, лишь ожидая, пока та введёт яд ей в рот. Но палец не приблизился ближе — вместо этого женщина аккуратно стерла ярко-красную точку о её губы.

Она тщательно размазала мягкую ярко-алую мазь по губам. Му Цзышань не понимала, что именно замышляет эта женщина, но ощутила исходящий от губ тонкий, незнакомый аромат.

— Так намного лучше. — Хэ Янься приподняла лицо Му Цзышань и некоторое время внимательно разглядывала её, а закончив, лучезарно улыбнулась.

Му Цзышань тут же сообразила: оказывается, только что в руках этой женщины-демона был вовсе не яд, а самая обычная женская пудра и румяна для макияжа.

Она понятия не имела, что у этой женщины на уме и есть ли в румянах яд. Впрочем, если бы они были ядовитыми, это даже к лучшему — по крайней мере, удалось бы легко выбраться из этого проклятого места. За годы ей довелось немало раз ходить по краю лезвия, и она, в отличие от других, вовсе не дорожила собственной жизнью; умри она — и вряд ли кто-то станет о ней горевать.

Если младшей сестре удастся сбежать, наверное, в будущем она придёт навестить её могилу? Только вот, оставшись без её заботы, не начнёт ли кто-нибудь обижать девчонку?

Если она умрёт, станет ли та горевать?

Задумавшись об этом, Му Цзышань мысленно отвлеклась, сердце пронзило тупой болью, и невозможно было разобрать, что это за чувство.

Не успела она прийти в себя, как подручные Хэ Янься освободили её от железных цепей. За эти дни тело изнурили до неузнаваемости, в нём давно не осталось ни капли сил, и стоило путам ослабнуть, как Му Цзышань рухнула на землю.

Подняв голову, она увидела, что Хэ Янься с живым интересом разглядывает её, словно какую-то забавную игрушку. Такой взгляд вызывал у Му Цзышань сильнейшую досаду, и в её глазах, устремлённых на Хэ Янься, прибавилось ярости.

Однако она и не догадывалась, что мысли Хэ Янься сейчас были бесконечно далеки от её собственных догадок. Глядя на едва заметные румяна на губах Му Цзышань, которые выгодно оттеняли её лишённую крови от изнурения кожу и предельно слабое состояние, Хэ Янься отмечала, что даже самые произвольные движения приобретали особый, чарующий оттенок. Прежний образ праведной и свирепой воительницы смягчился от капельки румян, придав ей нежную, соблазнительную привлекательность. Всё было именно так, как она и предполагала: эта женщина, стоило ей хоть чуть-чуть накрасться, вполне могла сойти за красавицу.

Заметив, что Му Цзышань упала, Хэ Янься приказала стражникам поднять её.

Хотя это называлось поддержкой, слуга действовал вовсе не церемонясь. После нескольких дней пыток и скудной пищи Му Цзышань исхудала до состояния ходячего скелета, так что громила поднял её одним лёгким движением. У Му Цзышань не оставалось сил сопротивляться, и она покорно позволила ему вести себя.

Хэ Янься шла впереди. Прошло немало времени, но следовавшая позади Му Цзышань хранила абсолютное молчание. Хэ Янься улыбнулась и поинтересовалась, неужели той совсем не любопытно, куда её ведут.

Му Цзышань не удостоила её ни единым словом. Хэ Янься вовсе не рассердилась, её лицо по-прежнему озаряла улыбка.

Одурманенная и полубессознательная, ведомая громилой, Му Цзышань шла очень долго. Ей было всё равно, куда её тащат, и даже если бы Хэ Янься вздумала вновь подвергнуть её сорока девяти жесточайшим пыткам, она бы не испугалась. Однако те неторопливо брошенные слова, что произнесла шедшая впереди женщина, заставили её сердце сжаться от липкого страха.

— Я веду тебя повидаться с твоей младшей сестрой. — Голос Хэ Янься звучал мягко и чисто, но для Му Цзышань он казался голосом злого духа, в котором таилась невыразимая жестокость и ужас.

Заметив смену выражения на лице Му Цзышань, Хэ Янься даже предвкушала, как та поведёт себя при встрече с сестрой.

Шагнув в комнату, они сразу же увидели Цзинь Юэ, подвешенную на деревянном столбе. На её теле не осталось живого места — оно сплошь покрывалось густой сеткой следов от кнута. При виде этого Му Цзышань невольно порывалась броситься вперёд и искромсать на куски здоровяка, что хлестал Цзинь Юэ плёткой, но чья-то железная хватка намертво вцепилась ей в запястье, не позволяя вырваться.

Перед выходом Хэ Янься специально нанесла на губы Му Цзышань румяна, приговаривая, что так та будет выглядеть бодрее и младшая сестра не станет лишним раз волноваться при встрече.

Когда Му Цзышань прибыла следом за ней, младшая сестра уже потеряла сознание.

Хэ Янься даже изобразила некоторое сожаление, сокрушаясь, почему эта девчонка отключилась от стольких ударов. Му Цзышань смотрела на неё с такой ненавистью, что была готова стереть эту женщину в порошок и искромсать на мелкие кусочки.

Хотя этот взгляд Му Цзышань буквально резал её на части, Хэ Янься оставалась совершенно

равнодушна, а уголки её губ по-прежнему трогала едва заметная улыбка, словно происходящее не имело к ней никакого отношения. Му Цзышань, молчавшая целый день, наконец заговорила. Из-за предельного гнева ее голос слегка дрожал, но в глазах застыла такая глубокая жажда убийства, что она казалась ядовитой змеей, выползшей из глубин преисподней и жаждущей впиться клыками в горло стоящего перед ней человека.

Хэ Янься, увидев этот взгляд, вовсе не расстроилась. Напротив, она даже нашла его весьма забавным.

За последние годы осталось не так много смельчаков, способных смотреть ей прямо в глаза, а людей, которые осмеливались бы открыто выказывать ей такую убийственную ауру, она не встречала, пожалуй, с пятнадцатилетнего возраста.

Она-то думала, что та до самой смерти будет сохранять свое ледяное и пренебрежительное выражение лица, но никак не ожидала, что та сможет выказать столь яростные эмоции.

Поистине занятно.

— Ты так сильно переживаешь за эту девчонку? — с улыбкой произнесла Хэ Янься и бросила взгляд на девушку, которую избили до потери сознания в глубине камеры. Той было лет семнадцать-восемьдесят, лицом она уродилась хорошенькой, а кожа казалась столь нежной, что ее можно было проткнуть дуновением ветра. Каждый удар кнута оставил на ее теле глубокие, доходящие до мяса кровавые рубцы, однако выносливостью она явно не блистала — не успела Хэ Янься применить к ней второе наказание, как несчастная уже отключилась.

— Чего ты в конце концов добиваешься? — Пробыв во Дворце Цюньин столь долгое время, Му Цзышань впервые сорвалась на столь гневный тон. Хэ Янься знала: будь у той хоть немного сил, она бы непременно убила ее, не задумываясь. Увы, после более чем двух месяцев издевательств у пленницы сейчас вряд ли хватило бы сил даже на то, чтобы поднять курицу.

— Хочешь узнать, как мне удалось выяснить все ваши секреты? — вместо ответа Хэ Янься задала свой вопрос.

Му Цзышань ничего не ответила и лишь холодно смотрела на нее. Хэ Янься усмехнулась, подождала с минуту, но, не дождавшись ответа, достала из-за пазухи письмо и протянула его Му Цзышань.

Та взяла послание, подняла на нее глаза и, заметив, что выражение лица хозяйки дворца осталось прежним, снова опустила взгляд на бумагу.

Почерк в письме принадлежал не Цзинь Юэ, но казался до боли знакомым, вот только вспомнить, кому он принадлежит, удавалось не сразу.

В ее руках находилось любовное послание — банальные вздохи о луне и цветах, нежные глупости, вот только каждая строчка была написана с величайшей осторожностью, словно автор панически боялся выдать свои сокровенные чувства.

Му Цзышань недоумевала, но Хэ Янься, улыбнувшись, сама дала ей разгадку:

— Это носила при себе твоя младшая сестрица.

Услышав это, Му Цзышань почувствовала, как внутри всё сжалось, и внезапно вспомнила картину, увиденную в тот день в заднем бамбуковом лесу.

Тогда Му Цзышань, как обычно, тренировалась в горах. Она с детства ценила тишину и покой, а потому никогда не любила заниматься вместе с остальными младшими учениками и ученицами. В тот день она собиралась перед возвращением зайти к горному ручейку напиться воды, но, подойдя к берегу, случайно заметила две прижавшиеся друг к другу фигуры.

Му Цзышань не хотела мешать чужому уединению и собиралась утолить жажду и обойти их стороной, однако прежде чем сделать глоток, услышала нежный, робкий девичий голос, позвавший: «Старший братишка Чу». Этот голос был ей слишком хорошо знаком, и, подняв голову, она увидела никого иную, как свою младшую сестрицу.

А человеком, сидевшим рядом с юной девой, оказался ее младший соученик Чу Линсун. Этот парень поднялся в горы для изучения боевых искусств в довольно юном возрасте, с малых лет отличался послушанием и смышленостью, за что был в большой милости у наставника. К тому же его клан Чу был знатным и влиятельным семейством в тех местах Фучжоу, где располагалась Секта Тяньюй. Сам он вырос писаным красавцем, образованным и воспитанным юношей из благородной семьи, и многие ученицы секты питала к нему нежные чувства. Младшая же сестрица, прелестная и миловидная, чистая и невинная, была дочерью богатого сучжоуского купца. Если бы не ее слабое здоровье в детстве и совет какого-то даоса отправить девочку на обучение боевым искусствам, дабы преодолеть смертельный недуг, родители вряд ли бы решились разлучить ее с семьей и отправить одну в Фучжоу постигать боевое мастерство. Младшая сестрица с мала-мальста страдала от недугов, и в тренировках ей было далеко до остальных соучеников, однако изящная фигурка и кожа белее снега привлекали к ней сердца многих юношей в секте. Впрочем, именно из-за этого она постоянно становилась объектом зависти.

Характер у младшей сестрицы был на редкость мягким, а потому старшие соученицы нередко задирали ее. Му Цзышань занимала третье место в иерархии секты, пришла туда гораздо раньше остальных и была значительно старше, а потому каждый раз, видя, как бедняжку травят, не могла не прийти ей на помощь и не заволноваться за ее судьбу. Со временем она незаметно для себя привыкла брать девочку под свою защиту, постоянно то открыто, то исподтишка помогая ей. Младшая сестрица была безмерно благодарна старшей и всегда старалась поделиться с третьей сестрой самым вкусным или интересным, что у нее появлялось.

Сама Му Цзышань отличалась холодным нравом и не любила сходить с людьми: несмотря на долгие годы в секте, близких отношений ни с кем она не завязала — исключение составляла лишь эта младшая сестрица, которой было совершенно все равно на ледяную маску старшей. Стоило той раздобыть какую-нибудь занятную вещицу, как она тут же бежала делиться ею с Му Цзышань. Незаметно для себя Му Цзышань привыкла к тем дням, когда эта наивная и милая девочка была рядом с ней. Они стали разговаривать все чаще, а со временем начали повсюду ходить вместе, став буквально неразлучными. Хотя Му Цзышань держалась с людьми холодно, сердце ее не было каменным. Младшая сестра относилась к ней с такой теплотой, что Му Цзышань, пусть и не говорила об этом вслух, в глубине души была ей очень благодарна. Му Цзышань с детства осталась без отца и матери. И хотя ее приютила секта, учеников там было великое множество, и учитель просто не мог окружить заботой каждого. Поэтому за всю жизнь почти никто не проявлял к ней искреннего участия. Эта же младшая сестра относилась к ней как к родному человеку. Она готова была сама отказаться от чего-то вкусного или интересного, лишь бы уступить это ей. Для Му Цзышань она стала единственным другом и близким человеком во всем мире, и девушке хотелось отдать этой младшей сестре все самое лучшее, что только у нее было.

Издалека было видно, как на щеках младшего брата-соученика проступил румянец. Он смотрел на младшую сестру с такой нежностью и обожанием, словно мечтал всю жизнь бережно качать ее на ладонях и никогда не отпускать. Младшая сестра тоже выглядела смущенной и робкой; неизвестно, что именно только что сказал ей младший брат Чу, но она, казалось, готова была опустить голову до самой земли.

Если бы младший брат Чу и младшая сестра были вместе, они стали бы прекрасной, идеально подходящей друг другу парой. Му Цзышань не могла найти ни единого изъяна ни в характере младшего брата Чу, ни в его происхождении. К тому же с самого вступления в секту он всегда проявлял к младшей сестре исключительную заботу, и было очевидно, что его чувства к ней абсолютно искренни... Если в будущем они сойдутся, младшая сестра наверняка будет очень счастлива.

Вот только почему-то, видя их вдвоем, Му Цзышань никак не могла искренне порадоваться.

Младшая сестра носила это любовное письмо с собой — должно быть, оно было для нее невероятной драгоценностью. Если догадка верна, это письмо определенно написал младший брат Чу. Но Му Цзышань никак не могла понять, зачем Хэ Янься отдала это письмо ей.

— В Фучжоу, где располагается Секта Тяньюй, растет особый Бамбук Фиолетового Инея. Его стебли источают едва уловимый аромат. Если его выварить, истолочь в кашу и использовать этот раствор для прессования бумаги, получившиеся листы сохраняют тот же тонкий запах...

— медленно произнесла Хэ Янься. Стоило Му Цзышань услышать слова Бамбука Фиолетового Инея, как она тут же все поняла.

Этот Бамбук Фиолетового Инея рос только в Фучжоу, причем исключительно на отвесных, высоко расположенных утесах. Найти его и без того было непросто, а уж бумага, изготовленная из его волокон, и вовсе ценилась на вес золота — зачастую ее невозможно было

купить ни за какие богатства.

Младший брат Чу не пожалел огромных денег, чтобы раздобыть эту бумагу для любовного послания. Было видно, как сильно он дорожит младшей сестрой: должно быть, он считал, что лишь столь редкая вещь способна выразить всю искренность его чувств. А у младшей сестры была простая, чистая душа — лишь потому, что письмо было написано ее возлюбленным, она бережно носила его при себе. Девушка и подумать не могла, что эта вещь выдаст их происхождение и сведет на нет все те невероятные усилия, которые они приложили, заматывая следы.

Хэ Янься за долгие годы странствий по цзянху повидала немало и, получив это письмо, вероятно, сразу же узнала бумагу из Бамбука Фиолетового Инея. Подобную бумагу производили только в Фучжоу, и за его пределами ее было практически не достать. А поскольку именно в Фучжоу находилась Секта Тяньюй, Хэ Янься было достаточно отправить людей на короткую разведку, чтобы без труда раскрыть личности обеих девушек.

Понимая, что она и младшая сестра выдали себя из-за такой мелочи, Му Цзышань не могла сдерживать досады. Теперь, когда Хэ Янься раскрыла их тайну, оставалось лишь гадать, каким будет ее следующий шаг.

— Что ты в конце концов собираешься делать? — прочитав письмо, Му Цзышань подняла голову и пристально посмотрела на нее. В ее взгляде по-прежнему не было и тени страха, лишь глубокая, необъяснимая ненависть и отвращение.

— Мне нет дела до вас, праведных сект, — усмехнулась Хэ Янься. — Вы не можете одолеть нас в открытом бою, поэтому опускаетесь до столь подлых уловок. Но даже если вы подошлете еще сто или тысячу соглядатаев в наш Культ Демонов, вы все равно ничего не сможете со мной сделать.

В ее тоне сквозила безграничная гордость, которая, впрочем, не казалась простым хвастовством — в какой-то мере ее слова действительно были правдой.

Му Цзышань и ее младшая сестра провели во Дворце Цюньин больше года. Но, кроме выполнения мелких поручений вместе с рядовыми последователями, они так и не смогли разузнать никаких ценных сведений. Обе планировали пробыть здесь еще месяц, а затем найти возможность покинуть Дворец Цюньин и вернуться в секту с докладом. Кто же знал, что их разоблачат до того, как они успеют уйти, и обе они окажутся в плену у Хэ Янься.

— Раз так, тебе больше не о чем говорить. Если ты надеешься выведать у нас тайны нашей секты, то даже если замучишь нас до смерти, лишь впустую потратишь время и силы.

Му Цзышань держалась с величавым благородством, а в ее глазах читалась твердая решимость умереть, но не выдать ни слова.

Хэ Янься лишь усмехнулась. Ее пальцы вновь коснулись щеки Му Цзышань. Заметив на лице пленницы крайнее отвращение, она улыбнулась еще более торжествующе.

<http://bllate.org/book/21760/2250240>